

Серия
РУССКАЯ УСАДЬБА В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Редакционная коллегия серии:

*О.А. Богданова (председатель), Е.Е. Дмитриева,
М.В. Скороходов, Е.В. Глухова,
М.С. Акимова, Г.А. Велигорский*

Ответственный редактор шестого выпуска:
О.А. Богданова

Члены редколлегии:
*Е.Е. Дмитриева, А.А. Журавлева
М.С. Акимова, Г.А. Велигорский*

Редактирование английского текста: *Г.А. Велигорский*

Series
RUSSIAN ESTATE IN A GLOBAL CONTEXT

Series Editorial Board:

*Olga A. Bogdanova (Editor-in-Chief), Ekaterina E. Dmitrieva
Maxim V. Skorokhodov, Elena V. Glukhova
Maria S. Akimova, George A. Veligorsky*

Executive Editor for Issue No. 6:
Olga A. Bogdanova

Editorial Board:
*Ekaterina E. Dmitrieva, Anastasia A. Zhuravleva,
Maria S. Akimova, George A. Veligorsky*

Editing English text by *George A. Veligorsky*

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК А.П. ЧЕХОВА «МЕЛИХОВО»

*УСАДЬБА
РЕАЛЬНАЯ —
УСАДЬБА
ЛИТЕРАТУРНАЯ*

*ВЕКТОРЫ
ТВОРЧЕСКОГО
ПРЕОБРАЖЕНИЯ*

Ответственный редактор
О.А. Богданова

МОСКВА
ИМЛИ РАН; ГЛИММЗ А.П. ЧЕХОВА «МЕЛИХОВО»
2021

A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
THE STATE LITERARY AND MEMORIAL MUSEUM-RESERVE
OF A.P. CHEKHOV “MELIKHOVO”

*ESTATE
REAL —
ESTATE
LITERARY*

*VECTORS
OF CREATIVE
TRANSFORMATION*

Executive Editor
Olga A. Bogdanova

MOSCOW
IWL RAS; SLMMR OF A.P. CHEKHOV “MELIKHOVO”
2021

УДК 82.091
ББК 83.3(0)
У 74

*Издание подготовлено в ФГБУН «ИМЛИ им. А.М. Горького РАН»
и осуществлено при финансовой поддержке
Государственного литературно-мемориального
музея-заповедника А.П. Чехова «Мелихово»*

Рецензенты:

*доктор филологических наук Е.Д. Гальцова,
ИМЛИ РАН
доктор филологических наук А.В. Марков,
РГГУ*

У 74 Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преобразования: Коллективная монография / сост., отв. ред. О.А. Богданова. — М.: ИМЛИ РАН, 2021. — 384 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 6). — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0676-5>
ISBN 978-5-9208-0676-5
ISBN 978-5-9208-0635-2 (серия)

В основе издания — сопоставление вариантов «усадебного топоса» в произведениях русской литературы и литературы других народов мира конца XIX — начала XXI в. с их реально-эмпирическими прототипами, которые жили в памяти и воображении творцов художественных образов. На материале произведений Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, И.А. Бунина, Г.И. Чулкова, Е.Н. Чирикова, А.А. Ахматовой, В.В. Набокова, М.М. Пришвина, С.Н. Дурьлина, Б.Л. Пастернака, Е.Р. Домбровской и других русских писателей выясняются закономерности преобразования реальных элементов усадебного комплекса и фактов авторской биографии в детали предметной изобразительности и многослойную символику мира художественного произведения. Seriously представленный компаративный аспект позволяет акцентировать в «усадебном топосе» универсальные черты, актуальные как для русской литературы, так и литератур Испании, Италии, Англии, Франции, Украины и других стран начиная с Античности. Также продолжено рассмотрение феномена русской дачи в отечественной литературе и культуре, начат анализ элементов «дачного топоса» и наполняющих его дискурсов.

Коллективная монография вмещает статьи 23 авторов, распределенные по 6 проблемно-тематическим разделам, отражающим важнейшие «векторы творческого преобразования» эмпирической данности: новации в сфере поэтики художественных произведений, анализ эго-документов и артефактов, междисциплинарную интеграцию, компаративные параллели и проч.

Книга адресована профессионалам-гуманитариям, прежде всего филологам, и вместе с тем широкому кругу учащейся молодежи и заинтересованных читателей.

ISBN 978-5-9208-0676-5
ISBN 978-5-9208-0635-2 (серия)

© Коллектив авторов, 2021
© ИМЛИ РАН, 2021
© О.А. Богданова, сост., отв. редактор, 2021

This is an open access book
Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

*The publication was prepared and implemented
in the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences at the expense of the State Literary and Memorial
Museum-Reserve of A.P. Chekhov “Melikhovo”*

Reviewers:

*Elena D. Galtsova, DSc in Philology,
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Alexander V. Markov,
DSc in Philology, Russian State University for the Humanities*

Bogdanova, Olga A., editor

Estate real — estate literary: vectors of creative transformation. Ex. ed.
Olga A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021. 384 p. —
(Series “Russian Estate in a Global Context”. Iss. No. 6). —
<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0676-5>

ISBN 978-5-9208-0676-5

ISBN (books series) 978-5-9208-0635-2

The publication is based on a comparison of the variants of the “estate topos” in the works of Russian literature and literature of other nations of the late 19th — early 21st centuries with their real-empirical prototypes, living in the memory and imagination of the creators of artistic images. On the material of the works by L.N. Tolstoy, A.P. Chekhov, I.A. Bunin, G.I. Chulkov, E.N. Chirikov, A.A. Akhmatova, V.V. Nabokov, M.M. Prishvin, S.N. Durylin, B.L. Pasternak, E.R. Dombrovskaya and other Russian writers, the authors of this monography find out the regularities of the transformation of the real elements of the estate complex and facts of author’s biographies into the details of the subject depiction and the multilayered symbolism of the world of the artistic work. The comparative aspect seriously presented in the book allows us to emphasize in the “estate topos” universal features that are relevant both for Russian literature and for the literature of Spain, Italy, England, France, Ukraine and other countries since Antiquity. The authors also continue to consider the phenomenon of dacha in Russian literature and culture, and begin an analysis of the elements of the “dacha topos” and the discourses that fill it.

The collective monograph contains articles by 23 authors, distributed in 6 problem-thematic sections, reflecting the most important “vectors of creative transformation” of empirical reality: innovations in the field of poetics of artistic works, analysis of ego-documents and artefacts, interdisciplinary integration, comparative parallels, etc.

The publication is intended both for specialists (academics, teachers, research students and undergraduates) and for the general reader interested in the place of the Russian estate in literature and in world culture.

Keywords: estate, cottage, fiction, ego-documents, prototypes, biographies, poetics.

ISBN 978-5-9208-0676-5

ISBN 978-5-9208-0635-2 (books series)

© Research Team, 2021

© IWL RAS, 2021

© O.A. Bogdanova, executive ed., 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Богданова О.А. Живые корни литературных усадеб 18

Часть I

Чехов и другие

Андреева В.Г. Помещики и землевладельцы
в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». 30

Доманский Ю.В. «Имение Раневской» и «усадьба Гаева»:
к вопросу о номинациях места действия
«Вишнёвого сада» А.П. Чехова 43

Журавлева А.А. Случай Чехова: мир русской усадьбы
в хронотопе «большого города» 53

Михайлова М.В., Назарова А.В. «Мятежные усадьбы»
Е.Н. Чирикова 66

Богданова О.А. «Усадебный текст» Георгия Чулкова:
неомифология писательских имен в повести «Дом на песке» . . . 73

Часть II

Поэтическая летопись русской усадьбы рубежа XIX–XX вв.

Жаплова Т.М. Предметная детализация как средство поэтизации
усадебного быта в лирике И.А. Бунина 1890–1900-х гг. 94

Шевчук Ю.В. «Самонаблюдение» в пространстве:
русская усадьба в лирике Анны Ахматовой 1910-х гг. 106

Гриневич О.А. Соотношение факта и вымысла
в «усадебном тексте» В.В. Набокова 118

Часть III

Русская усадьба в эго-документах и артефактах

- Андрущенко Е.А.* Формы поэтизации «усадебной культуры» в «Воспоминаниях Бориса Николаевича Чичерина» 130
- Строганов М.В.* Берновские предания: дворянская усадьба в воспоминаниях ее питомцев XX в. 138
- Приложение.
Воспоминания *А.Н. Понафидиной, О.Н. Вульф, А.Н. Болт.*
Публикация *М.В. Строганова.* 150
- Фирсова А.В.* «Сад Пастернака»: поэтическая матрица в ландшафте 174

Часть IV

Усадьбы советской эпохи

- Пращерук Н.В.* Усадьба Н.Е. Жуковского Орехово: «кормящий ландшафт» и музейная реальность (на материале книги Е.Р. Домбровской «Воздыхания окованных. Русская сага») 194
- Кнорре Е.Ю.* «Китеж советского времени»: образ «небесной коммуны» в «усадебном мифе» М.М. Пришвина (на материале дневника писателя 1920–1950-х гг.) 205
- Акимова М.С.* Усадьба реальная и усадьба литературная в судьбе и творчестве С.Н. Дурылина 218

Часть V

Компаративные сюжеты

- Кальво Мартинес Х.Л., Арсентьева Н.Н.* Философия уединения (тема *Beatus ille*) в «усадебной» поэзии Европы: Гораций, Фрай Луис де Леон, И.А. Бунин 230
- Дмитриева Е.Е.* Сборник басен под открытым небом: состязание поэтов в Версальском лабиринте 249
- Тоичкина А.В.* П.А. Кулиш-хуторянин и его «хуторская философия» в историсофской перспективе XXI в. 267

<i>Велигорский Г.А.</i> Голубые холмы и далекая музыка: образы тюрьмы и свободы в детской и автобиографической литературе Великобритании и России (усадебный контекст)	285
<i>Молодяков В.Э.</i> Усадьба Шарля Морраса <i>Chemin de Paradis</i> : конструирование смыслов	305

Часть VI

У истоков «дачного топоса»

<i>Строганова Е.Н.</i> Дачные сюжеты в женской прозе рубежа XIX–XX вв.	322
<i>Мари Э.</i> О понятии петербургского «дачного фольклора» конца XIX – начала XX в.	333

Список иллюстраций	354
-------------------------------------	-----

Список принятых сокращений. <i>Составитель Е.Ю. Живица</i>	358
---	-----

Указатель имен. <i>Составитель Е.Ю. Живица</i>	362
---	-----

Part III

The Russian estate in ego-documents and artefacts

- Elena A. Andrushchenko*. Forms of poeticization of “estate culture”
in “Memoirs of Boris Nikolaevich Chicherin” 130
- Mikhail V. Stroganov*. Bernovo’s Legends: the noble estate
in the memories of its alumnus in the 20th century 138
- Application.
Memoirs of *A.N. Ponaŕidina, O.N. Wulf, A.N. Bolt*.
Publication by *Mikhail V. Stroganov* 150
- Anastasiya V. Firsova*. The “Pasternak’s garden”:
the poetic matrix in landscape 174

Part IV

Estates of the Soviet era

- Natalia V. Prashcheruk*. Jukovsky’s Orekhovo estate:
“feeding landscape” and museum reality
(based on E.R. Dombrovskaya’s “Sighs of the chained.
Russian saga”) 194
- Elena Yu. Knorre*. “Kitezh of the Soviet era”:
the image of the “Heavenly commune”
in the “estate myth” of M.M. Prishvin
(based on the writer’s diary, 1920–1950s) 205
- Maria S. Akimova*. Estate real and estate literary
in the fate and work of S.N. Durylin 218

Part V

Comparative plots

- Jose Luis Calvo Martinez, Natalia N. Arsentieva*.
The philosophy of solitude (*Beatus ille* theme)
in the “estate” poetry of Europe: Horace, Fray Luis de León,
I.A. Bunin 230
- Ekaterina E. Dmitrieva*. Fables Collection in the Open Air:
a Competition of Poets in the Versailles Labyrinth 249
- Alexandra V. Toichkina*. P.A. Kulish-farmer and his “farm
philosophy” in the historiosophical perspective of the 21st century 267

<i>George A. Veligorsky</i> . Blue Hills and distant music: images of prison and freedom in children's and autobiographical literature of Great Britain and Russia (estate context)	285
<i>Vassili E. Molodyakov</i> . Charles Maurras and His Estate <i>Chemin de Paradis</i> : constructing meanings	305

Part VI

At the origins of the “dacha topos”

<i>Evgeniya N. Stroganova</i> . Dacha plots in women's prose of the turn of the 19 th – 20 th centuries	322
<i>Emilio Mari</i> . On the Concept of Petersburg “Dacha Folklore” of the late 19 th – early 20 th century	333

List of Illustrations	354
--	-----

List of Accepted Abbreviations . <i>Comp. by Elena Yu. Zhivitsa</i>	358
--	-----

Index of names . <i>Comp. by Elena Yu. Zhivitsa</i>	368
--	-----

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0676-5-333-351>

Это произведение доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution-NonCommercial»
(«Атрибуция — Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная

Э. Мари

О понятии петербургского «дачного фольклора» конца XIX — начала XX в.

Аннотация: Целью данной статьи является анализ устных и письменных аспектов внутри разных выразительных форм речи, связанных с загородным летним отдыхом во времена петербургской “Belle Époque” (рубеж XIX–XX вв.). В частности, рассматривается корпус полузабытых текстов и культурных практик, находящихся на стыке между фольклором и литературой, художественным творением и продуктом потребления, которые отражали и наполняли досуг в дачных местностях, способствуя сближению различных социокультурных плоскостей (отдыхающих и «аборигенов») и во многих аспектах — стиранию границ между «элитарным» и «массовым» в культуре той эпохи. Анализ этих материалов, несмотря на их эстетическую второстепенность, дает нам новое видение «снизу» дореволюционной дачной культуры в России начала XX в. как пейзажа, претерпевающего быструю модернизацию, в котором пока еще гибридные социальные фигуры встречаются и «борются» за то, чтобы завоевать собственное «право на город».

Ключевые слова: дачный фольклор, дачная литература, массовая литература.

Информация об авторе: Эмилио Мари — PhD в области литературы, лингвистики и сравнительного литературоведения, преподаватель русского языка и литературы, Университет г. Витербо, 4, ул. Санта Мария в Гради, 01100 Витербо, Италия; младший научный сотрудник, Университет международных исследований в Риме, 133, ул. делле Сетте Кьезе, Рим, Италия. E-mail: emiliomari@hotmail.it. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1249-6141>

*On the Concept of Petersburg «Dacha Folklore»
of the late 19th — early 20th century*

Abstract: The aim of this paper is to analyse the relation between orality and literacy in some of the expressive forms linked to the suburban summer leisure during Saint Petersburg “Belle Époque”. In particular, I will consider a forgotten corpus of texts and practices, somehow halfway between folklore and literature, cultural production and consumption, that mirrored and filled free time in dacha settlements, allowing the encounter between different socio-cultural realities (summer dwellers and “natives”) and contributing in many ways to the weakening of the boundaries between the “elitist” and the “popular” in the artistic culture of the time. The analysis of these materials, despite their aesthetic marginality, gives us a new vision “from the bottom up” of the pre-revolutionary dacha culture: a rapidly modernising landscape in which still fluid social bodies meet and fight in order to obtain their “right to the city”.

Keywords: dacha folklore; dacha literature; mass literature.

Information about the author: Emilio Mari — PhD in literature, linguistics and comparative literature, lecturer in Russian language and literature at the University of Viterbo, Via Santa Maria in Gradi, 4, 01100 Viterbo VT, Italy; Junior Researcher, University of International Studies of Rome, 133, delle Sette Chiese street, Rome, Italy. E-mail: emiliomari@hotmail.it. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1249-6141>

Для обозначения проблематики данной статьи мы хотели бы оттолкнуться от петербургских «Воспоминаний» 1995 г., в которых Д.С. Лихачев утверждает, что «[к]ультура дачного общества была повторением русской культуры в целом, но в меньшем масштабе. Она носила *разговорный* характер»¹. Целью рассуждений, предлагаемых нами в качестве рабочей гипотезы и материала для будущего углубленного изучения, является исследование возможности говорить об устном (фольклорном) творчестве, характерном для русской дачной культуры конца XIX — начала XX в. Предпосылкой нашего дискурса станет применение расширенного видения концепции фольклора, открытого для его периферийных форм и чувствительного к взаимодействию с «высокой» культурой, текучести между социальными классами, а также к процессам упадка, массификации и потребительства.

Дачное пространство, как нам кажется, является подходящим для рассуждений такого рода, так как исторически представляло место диалога (и конфликта) между городским и деревенским миром, между культурными практиками и выразительными формами, связанными, с одной стороны, с письменностью, а с другой — с устной традицией. Сама приро-

¹ Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. С. 71. Курсив мой. — Э. М.

да нашей области исследований, таким образом, ставит перед нами ряд вопросов: какие взаимоотношения установились между этими двумя видами культуры? Каким образом введение «чужих» элементов преобразовало местный быт и традиции? И наоборот, какие локальные элементы (в случае их существования) оказались полезными для обогащения городской культуры? Именно в этом смысле — а также благодаря своей пространственной ограниченности, как отмечал Лихачев, — дачное пространство приобретает роль лакмусовой бумаги, «миниатюры» процессов, происходивших в более широком масштабе по всей России на заре промышленного переворота в последние десятилетия XIX в.: урбанизации и «дерурализации»² деревни, введения массовой грамотности и исчезновения традиций, а также рождения современного понятия досуга и постепенной демократизации искусства³.

Первый возможный и, конечно же, наиболее непосредственный подход к изучению дачного пространства предлагают нам литературно-художественные произведения на эту тему, создаваемые привилегированными городскими классами в течение десятилетий. В случае России, и в частности Петербурга, начало этого процесса можно отнести к 60-м гг. XIX в. Несмотря на то, что уже у Пушкина в некоторых фрагментах местом действия служили загородные виллы петровской знати⁴, на самом деле проза, посвященная феноменологии массового летнего отдыха, развивается лишь в пореформенный период. Вслед за изменениями, которые затронули в те годы общество и территорию (разрастание городов, строительство железных дорог, разделы дворянских земель, открытие увеселительных садов и курортов, и т. д.⁵), петербургская традиция физиологиче-

² Дерурализация (от *англ.* rural) — процесс миграции жителей из деревень, сокращения населения в сельской местности под влиянием урбанизации.

³ Отвечая на вопрос: «Почему важна дача?», — С. Лоуэлл приводит следующие аргументы: «<...> У дачи нет ни одной неизменной черты. Скорее, ее стоит оценивать, как чрезвычайно чувствительный барометр сложных социальных и культурных процессов, происходящих в современной России» (*Lovell S. In and Out of Petersburg and Moscow. Towards a History of Exurban Russia // The Dacha Kingdom. Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area / N. Baschmakoff, Mari Ristolainen, eds. Helsinki, 2009. P. 35*). Перевод с *англ.* мой. — Э. М.

⁴ См., например, «Гости съезжались на дачу» (1828–1830) и «Мы проводили вечер на даче» (1835). Тот же сценарий служит фоном в повести М.С. Жуковой «Дача на Петергофской дороге», написанной несколько лет спустя (1845).

⁵ См.: *Stites R. Summertime: Petersburg Suburban Entertainment in the Era of Serfdom // The Dacha Kingdom. Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area / N. Baschmakoff, Mari Ristolainen, eds. Helsinki, 2009. P. 49–61*; *Малинова-Тзиафета О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914)*. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-

ского очерка тоже обновляется и охватывает уже более широкий и четко сформулированный спектр проблематики. Это больше не простые описания самых темных и потайных уголков большого города, привлекающие внимание и любопытство интеллектуальных авторов и читателей, как это было, например, для Е.П. Гребенки и Д.В. Григоровича — мастеров зарисовок демократической направленности. Формирующаяся «дачная литература» (мы используем этот термин с некоторой условностью, учитывая однородность текстов и их авторов), наоборот, ставила персонажей и читателей на один и тот же социальный уровень, способствуя, таким образом, их прямой идентификации. Если самые колоритные и живописные компоненты в таком случае теряли свою актуальность, а вместе с ними исчезало и филантропо-патерналистское поведение, отличавшее демократов и реформаторов, то на передний план выступали водевильный юмор, легкомысленный и лукавый, а также «поэтика повседневности», которые подталкивали к уходу от действительности и к развлечению горожан. Герои рассказов Н.А. Лейкина или И.Л. Щеглова (Леонтьева), как в театре социальных масок, — сценическая метафора, как видно, хорошо подходит для описания различных аспектов дачного быта⁶ — достоверно воспроизводили образы мужчин и женщин, представителей «третьего сословия», старающихся избежать рутины и влиться в новое соотношение между работой и свободным временем, буднями и праздниками.

В целом, если не касаться вопроса о жанрах, который заслуживает отдельного внимания и не входит в круг очерченных нами в данной статье проблем, можно было бы говорить о вертикальном делении текстов на две подкатегории: к первой категории мы относим произведения авторов, принадлежащих к *middlebrow* (среднему классу) профессионалов пера, с высоким культурным уровнем и успешно печатающихся в столице. Лейкин, наверное, является самым ярким тому примером: редактор «Осколков», открывший А.П. Чехова (которого тоже можно отнести в его ранний период к авторам дачной литературы, пусть и самого ее высокого ранга), автор целой серии рассказов, напечатанных в самых разных газетах и журналах, позже собранных и оформленных в тематические сборники, которые попали на летний книжный рынок столицы, действующий согласно вкусам и потребностям публики, о которой у нас не так много сведений⁷.

Петербурге, 2013; *Глезеров С.Е.* Петербургские окрестности: быт и нравы начала XX века. М.: Центрполиграф, 2013.

⁶ *Деомто П.* Из городской грязи на природу: город и дача (Дача как одна из категорий Петербургского мифа) // *Studia Letteraria Polono-Slavica*. 1999. No 4. P. 151.

⁷ См.: *Smith S., Kelly C.* Commercial Culture and Consumerism // *Constructing Russian Culture in the Age of Revolution: 1881–1940* / C. Kelly, D. Shepherd, eds. Oxford, 1998. P. 106–164.

Вторая группа авторов появляется из зазоров издательского и литературного мира: это отдыхающие, задействованные лично в редакциях «доморощенных» или псевдо-профессиональных газет, через которые они распространяли собственные «литературные» попытки и личную концепцию «творчества», почти как сегодняшний бриколаж, садовые поделки на заднем дачном дворе. Необходимо поэтому различать, если рассматривать их в этом ключе, два совершенно разных явления: а) дачную литературу (и в более широком смысле — издательства, ее печатающие) для досуга, т. е. создаваемую профессионалами специально для удовлетворения потребности в развлечении читателя / покупателя (особенно показательны в этом смысле отношения между дачной литературой и эстетикой детективов и любовных романов), которую пассивно потребляли отдыхающие⁸; б) более спонтанную и далекую от рыночной динамики литературу (и издательское дело), воспринимаемые *сами по себе* в качестве любительско-игровой деятельности во время летнего отдыха. О пассивности, даже в первом случае, стоит, однако, говорить с некоторой осторожностью: как будет видно далее, остается открытым вопрос, насколько вторая категория зависит от восприятия первой и, наоборот, какие повествовательные техники и клише первой берут начало во второй, имеющей более прямую связь с повседневной жизнью.

Противоположный уровень (но в то же время комплементарный) анализа дачного пространства, наверное, менее исследованный, открывается и приобретает четкие очертания, если перевернуть перспективу и попытаться приблизиться к нему, так сказать, «снизу», т. е. освобождаясь от «взгляда горожанина» и принимая точку зрения местных жителей. Такая операция, конечно же, возможна лишь отчасти и при условии сохранения должной критической дистанции: учитывая существенную нехватку письменных свидетельств местного населения (крестьян), речь пойдет скорее о «чтении между строк» интеллектуальных и полунтеллектуальных текстов, избегая неверных толкований, к которым может привести подобное прочтение. К. Гинзбург, один из основателей научного направления микроистории, в предисловии к итальянскому изданию классиче-

⁸ В последние два десятилетия, отталкиваясь от сформулированного В.Н. Топоровым понятия «петербургский текст» и применяя его к географическим реалиям, семантически противоположным столице (провинция, деревня и т. д.), литературоведческие и культурологические исследования периодически обращались к первой категории текстов. Для общей панорамы, кроме уже процитированного сборника “The Dacha Kingdom”, см.: *Lovell S. Summerfolk. A History of the Dacha, 1710–2000. New York, 2003*; *Деоммо П. Петербургский дачный быт XIX в. как факт массовой культуры // Europa Orientalis. 1997 (XVI). No. 1. P. 357–371*; *Конечный А.М. Петербургские дачи // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 444–474.*

ской работы П. Бёрка «Popular Culture in Early Modern Europe» (1978)⁹, оставил некоторые наблюдения, которые можно применить и к России:

О необходимости применения непрямого, косвенного метода Бёрк пишет очень важные строки — особенно важные, наверное, для итальянского читателя. Живой и очень распространенный интерес к народной культуре иногда приводит нас к тому, что мы склонны недооценивать методологические предосторожности, которые, например, заставили Грамши различать «народную литературу» и «литературу, предназначенную для представителей народа». Существует иллюзия, что определенный тип документов, которые невозможно с однозначностью отнести к «высокой» культуре, могут обеспечить прямой доступ к культуре, менталитету, жизненным условиям низших деревенских и городских классов. Подобная тенденция была подкреплена заслуженным успехом великой книги М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса». <...> В ней Бахтин очертил невероятно богатую и живописную картину культуры народных классов, живших в Европе на протяжении столетий вплоть до промышленной революции, отталкиваясь от произведения высокой, можно даже сказать, высочайшей литературы (даже если пропитанной соками той, что Бахтин называет «рыночной культурой»). Сделанное Бахтиным сложно повторить — и не только потому, что Рабле — писатель исключительный. <...> Изображение народных классов в литературных текстах (включая «посредников» между высокой и низкой культурой, написанных на не слишком высоком стилистическом уровне) отличается сильным влиянием стереотипов. Считать подобные произведения прямым выражением народной культуры или, как минимум, рассматривать их в качестве достоверного описания жизненных условий, означает создавать аркадию навыворот, населенную плохо пахнущей деревенщиной вместо благоухающих пастушек¹⁰.

Это утверждение справедливо, если проанализировать дачную литературу конца XIX – начала XX в. — тот корпус смешанных материалов, который невозможно однозначно идентифицировать с высокой культурой и который часто функционирует на границе между устным и письменным творчеством, литературой и фольклором, к тому же соответствуя эстетико-идеологическим запросам зарождающегося массового городского общества, представителями которого и являются читатели-отдыхающие. И оно тем более справедливо при обращении к источникам научно-этно-

⁹ «Народная культура в Европе начала Нового времени» (англ.).

¹⁰ Ginzburg C. Introduzione // Burke P. Cultura popolare nell'Europa moderna. Milano, 1980. P. I–XV. Здесь и далее в тексте статьи перевод с *итал.* мой. — Э. М.

графического характера той эпохи, также выражающим субъективную идеологию их авторов. Показательно в этом смысле, что первые отсылки к дачному пространству и традиции массового летнего отдыха появляются в рамках феномена, в ретроспективе обозначенного как «спор о старой и новой песне»¹¹. Критики «новой песни» (эпитет относился к экспрессивным формам различного происхождения — частушкам, цыганскому и жестокому романсу, позже объединенным в фольклор городских окраин) пытались сохранить счастливый идеализированный образ патриархальной деревни, в то время как в реальности картина была иной: кризис старого уклада и желание новых поколений самоутвердиться как в личной сфере за счет поиска более раскованных отношений с противоположным полом, так и в сфере общественной, через «светские» выходы и отход от сельскохозяйственных работ¹². Например, публицист и краевед, неославянофил В.О. Михневич в 1880 г. напечатал в петербургском журнале «Исторический вестник» статью, которая как нельзя лучше подходит для иллюстрации важности того «непрямого, косвенного чтения», на которое ссылались Бёрк и Гинзбург. Михневич предполагал, что современные средства коммуникации, в первую очередь железная дорога, и последующий рост обмена между городом и деревней запустили процесс «извращения», т. е. формальной и стилистической деградации устного народного творчества. Виновной в этом, согласно автору статьи, была в основном мелкая городская буржуазия, которая, вступая в контакт с деревенскими жителями в окрестностях столицы, искажала эстетический вкус и нравы последних:

«Образованный» простолудин-горожанин, нарядившись в «немецкого» фасона «спинжак» и «пальто», уснастив свой словарь кудреватými, книжными выражениями и словечками, научившись чувствительным романсам и веселым куплетам (все это, конечно, в искаженно-карикатурном виде), смотрит уже свысока на «деревенщину», брезгает ее серым зипуном и лаптями, фыркает на «простоту» в обычаях и нравах, издевается над ее «мужицкой песнью»¹³.

¹¹ См.: Якунцева Т.Н. Спор о «старой» и «новой» песне (из истории фольклористики конца XIX века) // Фольклор Урала. Вып. 5. Свердловск, 1980. С. 122–129; Rothstein R.A. Death of the Folk Song? // Cultures in Flux. Lower-Class Values, Practices and Resistance in Late-Imperial Russia / S. P. Frank, M. D. Steinberg, eds. Princeton, 1994. P. 108–120; Лурье М.Л. Городская песня в деревне (из старой дискуссии о новых песнях) // Вестник РГГУ. 2011б. № 9 (71). С. 124–141. (Серия «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика»).

¹² См.: Mari E. Fra il rurale e l'urbano. Paesaggio e cultura popolare a Pietroburgo, 1830–1917. Roma, 2018.

¹³ Михневич В.О. Извращение народного песнетворчества // Исторический вестник. 1880. Т. 3. № 12. С. 751.

Пессимизм Михневича приобретал все более мрачный, почти эсхатологический оттенок в написанном несколько позже очерке «Дачные пейзажи», входившем в сборник «Петербургское лето» (1887). Автор, следуя уже сказанному в «Извращении народного песнетворчества», призывает читателя поразмышлять над проблемой, которую «интеллектуальные» писатели дачной литературы обычно игнорировали, а именно: каким образом распространение традиции массового летнего отдыха отражалось на местных «аборигенах»? Подход и терминология напоминают антропологов викторианской эпохи, впервые столкнувшихся с примитивными народами: как будто дачники являлись представителями цивилизации по типу западной, которая не слишком заботилась о местных привычках, а их летний выезд из столицы стал новым типом «внутренней колонизации»¹⁴. Само название, данное автором, указывает на полемический настрой: более нейтральному «крестьяне» он предпочитает галлицизм «пейзажи». Еще Ф.М. Достоевский, говоря об эстетизации фигуры крестьянина, начатой Н.М. Карамзиным и Д.В. Григоровичем, связывал «пейзаж» с западной пародией на старого доброго русского мужика: «Вы даже не могли представить себе русского человека с вашей идеей! <...> Вы принуждены были одеть в русские кафтаны и сарафаны каких-то швейцарцев из балета; это пейзажи и пейзажики, а не крестьяне и крестьянки»¹⁵. Парголовский пейзаж, описанный Михневичем, является не чем иным, как последующей эволюцией данного стереотипа. Он одевается «по-столичному», точнее пытается соответствовать собственному представлению о городской моде, воспроизводя чрезмерную и немного гротескную роскошь, типичную для городского мещанства; он стыдится своего происхождения и требует, чтобы его называли «горожанином»; не демонстрирует больше никакой связи с фольклорными традициями, пытаясь выразиться замысловато, по-книжному; однако имея источником вдохновения лубочные издания и бытовое общение со столичными дачниками, зачастую превращает свою речь в поток ему же самому непонятных слов:

В бытовом, культурном и хозяйственном отношении парголовский россиянин действительно очень мало походит на нашего крестьянина-землепашца патриархального склада <...>. Он уже не крестьянин, строго говоря, не мужик и стыдится этой клички, употребляя ее в смысле брани, так

¹⁴ Frank S. P. 'Simple Folk, Savage Customs?' Youth, Sociability, and the Dynamics of Culture in Rural Russia, 1856–1914 // *Journal of Social History*. 1992 (XXV). No. 4. P. 711.

¹⁵ Достоевский Ф.М. Г-н – бов и вопрос об искусстве // Ф.М. Достоевский. Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1993. Т. 11. С. 74–75.

как самого себя он считает человеком «городским», «образованным», а отнюдь не «деревенщиной»... избави Бог!¹⁶

Большинство парголовских пейзажей совершенно отстали от земледелия или ограничивают занятие ими пустяками — сенокосом и огородом. Множество полей заброшено и оставлено под траву. <...> Парголовский земледелец в сеансы полевой работы жалок и карикатурен, в своем серо-немецком «спинжаке», в галстухе и узорной жилетке «при цепочке», в городском фасона сапожках на высоких каблуках, со своей изнеженностью и избалованностью¹⁷.

Даже пейзаж стал как будто высушенным, делая Парголово больше похожим на Богом забытый провинциальный городок, плод фантазии Н.В. Гоголя или М.Е. Салтыкова-Щедрина, чем на населенный пункт в нескольких верстах от столицы. Такая «провинциализация» быта, точнее тенденция к мимикрии и искусственности, является далеко не новым фактом для петербургской литературы. В наброске «Петербургская сторона» (1844) Гребенка подметил, что население острова, отрешенное от светской жизни и столичных развлечений центра города, пыталось имитировать не только его обычаи и традиции, но и архитектуру (не случайно Петербургская сторона исторически представляла одно из первых направлений дачного отдыха «внутри» столицы). Михневич, в свою очередь, доводит до крайности это наблюдение, подчеркивая, с одной стороны, пошлость каждого аспекта местного быта, претенциозность вкуса и китч местных жителей, а с другой — создавая почти inferнальную картину, что-то среднее между Содомом, Гоморрой и страной изобилия. «Аркадия навыворот», как ее окрестил К. Гинзбург, населена «мертвыми душами» на распутье между аутентичной национальной культурой (своего рода *Volksgeist*), от которой уже отказались, и заимствованной культурой, пришедшей ей на смену, все еще чужой, кроме самых поверхностных и деградировавших ее аспектов:

Всего лучше наблюдать парголовского пейзажа в праздничное время, которого у него ужасно много. Некоторые летние праздники тянутся у него чуть не по целым неделям. В праздничное время он разгуливает по улицам в «виссоне и пурпуре» московского дела, угощается и беспросыпно пьянствует, а, при этом, по натуре вещей, буйствует, дебоширствует и, на началах общинной «взаимности», засаживается поочередно в местную ку-

¹⁶ Михневич В.О. Дачные пейзажи // Петербургское лето. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1887. С. 33–34.

¹⁷ Там же. С 36.

тузку для усмирения. По всему селу стоит дикий, неистовый рев и вой, на всяком шагу попадают, еле держащиеся кое-как на ногах и уже polegшие костью, пьяные, и не только мужчины, но и женщины, даже подростки, всякие работы брошены и все село, стар и млад, предается веселию¹⁸.

На тему такого состояния «междоусобицы» (весьма подходящий термин, который ввел как раз в те годы этнограф И.Я. Львов¹⁹) иронизировал А.Т. Аверченко, один из известных и популярных юмористов журнала «Сатирикон», в своем небольшом рассказе под названием «Американец» (1914). Сюжет его следующий: затерявшись в лесу во время охоты, дачник встречает мужика, сидящего на берегу реки за чтением столичной газеты. Крестьянин полностью соответствует признакам, характерным для парвеню, которых описал Михневич: у него острижена борода, он носит броские очки и серебряные часы, несмотря на свою очевидную безработность. Возвращается и отрицательное, инфернальное значение пейзажа:

— Где уж тут хлеб, ваша милость! И в заводе хлебов не было. Всякой дрянью поросло — ни тебе деревья настоящие, ни тебе луга настоящие. Бурелом все, валежник, сухостой.

— Да что ж ты тут... грибы собираешь, ягоды?

— Нету тут настоящего гриба. И ягоды тоже, к слову сказать, черт-ма²⁰.

Некоторое время спустя крестьянин раскрывает настоящий источник своих доходов: он вырыл несколько ям и сдает их горожанам, желающим полюбоваться местными красотами.

Иду я о прошлом годе к реке рыбку поудить, гляжу: что за оказия! Под одним кустом дачник белеется, под другим кустом дачник белеется. И у всякого бинокль из глаз торчит. Сдурели они, думаю, что ли? Тогда-то я еще о биноклях и не слыхивал. Ну, подхожу, значит, к реке поближе... Эгеге, вижу. Тут тебе и брюнетки, и блондинки, и толстые, и тонкие, и старые, и малые. Вот оно что! <...>

Шестьдесят рублей в лето отвалил. Ловко? Да биноклей четыре штуки выправил, да кустов насажал, да ям нарыл — прямо удобство во какое.

¹⁸ Там же. С. 34–35.

¹⁹ *Львов И.Я.* Новое время — новые песни: о повороте в народной поэзии. Устюг: Тип.-скоропечатня П.Н. Лагирева, 1891. С. 24.

²⁰ *Аверченко А.Т.* Американец // *Аверченко А.Т.* Чудеса в решете. Пг.: Изд. журн. «Новый Сатирикон», 1915. URL: http://az.lib.ru/a/awerchenko_a_t/text_0300oldorfo.shtml (дата обращения: 24.03.2021).

Сидишь эт-то в прохладе, в яме на скамеечке, слева пива бутылка (от себя держу: не желаеете ли? Четвертак всего разговору), слева, значит, пива бутылка, справа папиросы... — живи не хочю!²¹

«Извращение» материальной и духовной культуры «аборигенов» брало начало в новых дачных поселках и совпадало, по мнению Михневича, как и других столичных исследователей, с попыткой («наивной», поскольку лишенной эстетической осознанности) подняться ступенькой выше по социальной лестнице и слиться с образцами городского быта и письменной культуры, воспринимаемыми как более высокие. Дореволюционная этнография не сомневалась в причинах таких явлений: с одной стороны, это присоединение крестьянских масс к рыночной экономике через наемную работу (постоянную или сезонную) на фабриках и в ремесленных лавках, с другой — открытие новой топографии досуга. Например, описанное Михневичем Парголово находилось на расстоянии не более 3-4 верст от Озерков — одного из излюбленных мест петербургских дачников благодаря вокзалу и ресторанам, привлекавшим в том числе А.А. Блока, который превратил один из них в место действия «Незнакомки» (1906). Эти коммерческие увеселительные заведения, посещаемые разношерстной публикой (те же антрепренеры зачастую были бывшими крестьянами), предлагали специфический диапазон развлекательной культуры городских окрестностей конца XIX — начала XX в.²² Один из докладчиков на Девятом археологическом съезде в Вильне в 1897 г. отмечал, что «[п]ошлая песня идет из увеселительных заведений, часто бывает так называемой цыганской. Это те же шансонетки, только более низкого разбора. Народ откровеннее поет их, чем люди образованные. Питерщики и москвичи только перенимают их. В деревне они распространяются очень быстро»²³. Схожими были и наблюдения Н.К. Позднякова в «Вестнике воспитания»:

Оперетка, со своими веселыми, задорными, неглубокими и мало-музыкаль-

²¹ Там же.

²² См.: *Стеклова И.А.* Феномен увеселительных садов в формировании культурной среды Петербурга-Петрограда: Дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1991; *Конечный А.М.* Петербургские общедоступные увеселительные сады в XIX веке // *Europa Orientalis*. 1996 (XV). No. 1. P. 37–50; *McReynolds L.* Russia at Play. Leisure Activities at the End of the Tsarist Era. Ithaca, London, 2003; *Уварова Е.Д.* Как развлекались в российских столицах. СПб.: Алетейя, 2004; *Лебедева В.Г.* Судьбы массовой культуры России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб.: СПбГУ, 2007.

²³ Труды девятого Археологического съезда в Вильне, 1893. В 2 т. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1897. Т. 2. С. 108.

ными мотивами, вытеснила мелодичную — то заунывную, то удалую родную песню, и эта последняя стала чужда для нашей молодежи с колыбельных лет <...>. И это не только в столицах: это повсеместно. Прошлым летом я объездил немало по России, и у паромных пристаней, и из окна вагона и из окна гостиничного номера в далеком от столиц городе слышал все те же песенки, которые прошли туда из «Аркадии», из «Эрмитажей», от «Омонов», «Неметти» и из прочих шумных уголков наших столичных окраин²⁴.

Интересно описание подобных мест (в данном случае под Москвой) и особенностей деградирующего бульварного вкуса, который там царил, в воспоминаниях К.С. Станиславского, который обнаружил одно из них, когда искал что-нибудь подходящее для первого сезона будущего МХТ:

При театре был сад, и в нем все лето забавляли публику разными дивертисментами на вольном воздухе. В плохую погоду и холода они переносились в закрытый театр. Вся обстановка была применена к запросам садового зрителя и носила печать дурного тона. Это сказывалось во всем: и в окраске стен, и в рисунке обоев, и в подборе цветов, и в пошлой отделке, и в убогой роскоши, и в вывесках, расклеенных по стенам, и в рекламном занавесе на сцене, и в мундирах лакеев, и в подборе закусок в буфете, и во всем оскорбительном строе и распорядке дома²⁵.

Однако не все «легкие жанры» дачной культуры основывались на профессионализации и логике потребительства зарождающейся «развлекательной индустрии». Под вывеской дачного театра можно выделить, учитывая все сказанное выше касательно литературных произведений, два направления, различающихся по типу и участникам. Прежде всего существовал дачный театр, основанный на актерском профессионализме, о котором говорил Станиславский, поддерживаемый коммерсантами и организованный в пригородных увеселительных садах в летний сезон. Спектакли напоминали по форме кафе-шантан и предлагали смешанные номера: цирковые выступления, фейерверки и световые представления, оперетту и водевиль, цыганский романс и сатирические куплеты (еще одну типичную для летнего сезона форму). Такой дачный театр, о котором упоминали все журналы того времени, вел свое происхождение от балагана и постепенно вливался в массовую культуру посредством процесса, который критика недавно определила как «бульваризацию»²⁶.

²⁴ Поздняков Н.К. К вопросу об упадке народного творчества // Вестник воспитания. 1897. № 1. С. 153–154.

²⁵ Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве. М.: Вагриус, 2007. С. 225.

²⁶ Подробнее об этом см.: Зоркая Н.М. На рубеже столетий. У истоков массового

Второй уровень дачного театра был связан с непрофессиональной сферой: домашние представления, организованные для чистого развлечения, без каких-либо коммерческих целей самими дачниками, которые в большинстве случаев объединялись в самые настоящие любительские театральные труппы. Это непосредственная форма участия в культурной жизни — в отличие от той, которую предлагают увеселительные заведения, — демонстрирующая неожиданную близость с народным театром: произведения высокой литературы перерабатывались и упрощались для соответствия со вкусами и техническими возможностями местных «трупп»; как и в классической народной драме или более современных пантомимах-арлекинадах, импровизация играла здесь ведущую роль, а взаимодействие между актерами и зрителями, размещенными в одном и том же пространстве без сцены и принадлежащими к одному и тому же социальному слою, было идеально слаженным²⁷. Цели этих летних спектаклей были далеки от жажды прибыли: обычно это благотворительность, чистое развлечение или «артистические» амбиции, которые не могли найти выход на официальной столичной сцене. Отсюда и непрофессиональность спектаклей, наивность или слащавое высокомерие новоиспеченных актеров, отсюда и гневная реакция театральной элиты Петербурга в многочисленных рецензиях на деятельность дачных театров на страницах журнала «Театр и искусство»:

Смелость города берет и... дает хорошие сборы. Г-н Раев поставил «Отелло». Прекрасные, для дачного театра, декорации, приличные костюмы, но, Боже! — какое исполнение! Нужно отдать справедливость г-ну Раеву: он, очевидно, поработал над ролью Отелло, играл с чувством, и даже отдель-

искусства в России 1900–1910 годов. М.: Наука, 1976; *Stites R.* Russian Popular Culture: Entertainment and Society since 1900. New York, 1992; *Engelstein L.* The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca, 1992. Добавим, что самый яркий пример бульварного искусства, ранний кинематограф, дебютировал в России именно в одном из загородных увеселительных садов, петербургском «Аквариуме», в 1896 г. См.: *Цивьян Ю.Г.* Историческая рецепция кино: кинематограф в России, 1896–1930. Рига: Зинатне, 1991; *Ковалова А.О., Цивьян Ю.Г.* Кинематограф в Петербурге 1896–1917. Кинотеатры и зрители СПб.: Мастерская СЕАНС: Скрипториум, 2011.

²⁷ Ироничное, но точное описание этих черт можно найти, среди прочего, в рассказе А.Т. Аверченко «Дачный театр» (1910). О летних театрах такого типа см.: *Юнисов М.В.* «Лишний театр»: о любителях и их «губителях» // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 372–393; *Дмитриев О.Н.* наброски о летних театрах Серебряного века // Русская развлекательная культура Серебряного века. 1908–1918. М.: НИУ ВШЭ, 2017. С. 426–454.

ные его выходы вызывали аплодисменты, но зато остальные исполнители, большей частью любители, незнанием ролей и неумением держаться на сцене вызывали смех публики в самых драматических местах²⁸.

Новое обозрение В. Незнамова «Петербург в Аркадии» смотрится не без интереса. Некоторые сценки написаны живо и не без юмора. Напр<имер>, сцена «На лоне природы»²⁹ смотрится положительно и с интересом. Есть немало и остроумных куплетов на злобу дня. Только одна г-жа Островская в этой сцене портила впечатление. Артистка, изображая кухарку, выкидывала такие антраша, которые совсем неуместны в семейном саду. Впрочем, та же артистка довольно удачно имитировала известную исполнительницу цыганских романсов³⁰.

Стремление к шаржу у артиста необыкновенное. Напр<имер>, в лубке «Разрушение Помпей» роль антрепренера и без того каррикатурна, но г. Соколов еще уснащает ее массой собственных отсебятин и клоуннических выходок. Это уже не искусство, а что-то очень близкое к балагану³¹.

Подобные лубки, как и другие сочинения разных жанров (рассказы, анекдоты, шутки, афоризмы, эпиграммы и т. д.), авторами которых являлись сами дачники, иногда переходили из устной формы в письменную и печатались в дачных газетах. Если сегодня пролистать страницы этих газет, которые часто существовали не дольше одного летнего сезона, то можно обнаружить большое количество рубрик, занятых литературными (или, скорее, псевдолитературными) произведениями дачников. Ценность этих сочинений, конечно далеких от какой-либо художественности, прежде всего в том, что они свидетельствуют о распространенном стремлении средне-низших слоев городского населения приобщиться к художественному письму в, так сказать, «легкой» манере, ради собственного удовольствия, и закрепить на бумаге свой личный повседневный опыт.

²⁸ Театр и искусство. 1901. № 33. С. 590.

²⁹ В этом случае речь идет об одной из уже процитированных самопрезентаций повседневной жизни на даче, описанной самими дачниками, в саду «Аркадии». Выражение «на лоне природы» широко использовалось в дачном жаргоне (например, один из сборников Н.А. Лейкина носит именно такое название), часто с целью иронически подчеркнуть отсутствие или искусственность природы в местах летнего отдыха.

³⁰ Театр и искусство. 1901. № 34. С. 606.

³¹ Театр и искусство. 1901. № 21. С. 400. Отсылки к народным гуляниям в текстах дачной литературы отмечаются не так уж и редко: в одной из рубрик газеты «Дачник», издаваемой в стиле райка, какой-то автор представляет себя публике как «Дачного рабшника».

Дачный быт, жаргон, устойчивые выражения, типичные персонажи летней жизни обеспечивали этим авторам-любителям практически неисчерпаемый репертуар (разделяемый всем дачным сообществом) ситуаций, типов и розыгрышей, который по сути являлся демократизированной версией того, что Ю.М. Лотман называл «салонным фольклором»:

Изучение материала показывает, что в устной литературе петербургского салона — жанре, расцветшем в первой трети XIX в. и, бесспорно, сыгравшем большую историко-литературную роль, но до сих пор не только не изученном, но даже не учтенном, — особое место занимало рассказывание страшных и фантастических историй с неперменным «петербургским колоритом». Корни этого жанра уходят в XVIII век³².

В заключение переформулируем проблему, поставленную в начале этой статьи: возможно ли объединить столь неоднородные творческие формы под одним термином «дачный фольклор»? Если взять романтическое определение фольклора как устного выражения «народной души», то ответ будет, конечно же, отрицательным. В нашем случае мы имеем дело с текстами, порожденными новой срединно-массовой культурой, к которой относятся коммерсанты, должностные лица или зарождающийся класс мелкобуржуазных служащих, в любом случае далеких от традиционного понятия «народа», особенно от того политизированного представления о народе, которое вскоре станет преобладающим в Советской России. Несмотря на это, разные феномены, рассмотренные выше, — хронологическая связь с праздником и современным досугом, происхождение из ярмарочного фольклора, а также тематическо-пространственная совместимость с так называемым «мещанским фольклором»³³, постоянное обращение к импровизации и «коллективному знанию» и т. д. — подтверждают необходимость более широкого определения фольклора, где-то посередине между устной и письменной формой речи, которое оформилось на заре массового общества. Сегодня стоило бы обратиться к термину «популярная культура» (*popular culture*) в понимании Ричарда Хоггарда, Стюарта Холла и других теоретиков англосаксонских культурных исследований³⁴, если бы в течение длительного времени он

³² Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры: Петербург. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1984. Вып. 664. С. 37–38.

³³ См.: Соболев П.М. Мещанский фольклор // Наступление (Смоленск). 1932. № 8. С. 49–64.

³⁴ См., например: Hoggart R. *The Uses of Literacy: Aspects of Working Class Life*. London, 1957; Hall S. *Notes on Deconstructing the “Popular” // People’s History and*

не был закреплен за культурой субалтернов³⁵ в самом прямом смысле этого слова, т. е. за рабочим классом. А.М. Чирезе, один из выдающихся итальянских этнологов, работая над определением фольклора, справедливо утверждал, что «границы этого мира не так легко обозначить: они расширяются и сужаются в зависимости от идеологических убеждений исследователей»³⁶. Нападки марксистской критики на все, что можно отнести к расплывчатому понятию мещанства, параллельно с созданием искусственной пролетарской культуры, лишь подтверждают это убеждение. Именно оно подтолкнуло и нас говорить здесь, пусть и в метафорическом смысле, о дачном фольклоре³⁷.

Список литературы

1. *Аверченко А.Т.* Американец // *Аверченко А.Т.* Чудеса в решете. Пг.: Изд. журн. «Новый Сатирикон», 1915. URL: http://az.lib.ru/a/awerchenko_a_t/text_0300oldorfo.shtml (дата обращения: 24.03.2021).
2. *Глезеров С.Е.* Петербургские окрестности: быт и нравы начала XX века. М.: Центрполиграф, 2013. 606 с.
3. *Деотто П.* Из городской грязи на природу: город и дача (Дача как одна из категорий Петербургского мифа) // *Studia Letteraria Polono-*

Socialist Theory / R. Samuel, eds. London, 1981. P. 227–239.

³⁵ Субалтерн (от *англ.* subaltern) — в социологии угнетенная и подчиненная группа маргинального характера, испытывающая политическую и экономическую зависимость от господствующих социальных групп.

³⁶ *Cirese A. M.* Il volgo protagonista // *Cultura popolare e marxismo*. Roma, 1976. P. 96.

³⁷ Еще раз подчеркнем, что изучение этих забытых малых форм может открыть новые многочисленные аспекты взаимоотношений между устным и письменным слоем русской народной дореволюционной культуры, обогащая тематику, которая так и не была досконально изучена критикой, вдохновленной идеями А. Грамши, о «промежуточных пространствах» между фольклором и литературой, подчиненной и господствующей культурой. Еще в 1951 г. В. Сантоли отмечал, что эти народные произведения «до сих пор не привлекали внимания ни фольклористов, потому что находятся на внешней границе науки этнологии (*demologia* в оригинале. — Э. М.); ни эрудитов, потому что речь не идет об античных вещах; ни историков литературы, потому что они лишены художественной ценности. Но в историко-культурном отношении эта проблематика важна, так как позволяет получить более точное представление о сентиментальных тенденциях и ментальных потребностях самых широких слоев населения в прошлом веке, а также об их взаимоотношениях с «высокой культурой» (*Santoli V.* Tre osservazioni su Gramsci e il folclore // *Cultura popolare e marxismo*. Roma, 1976. P. 105).

- Slavica. 1999. No. 4. P. 145–154.
4. *Деотто П.* Петербургский дачный быт XIX в. как факт массовой культуры // *Europa Orientalis*. 1997 (XVI). No. 1. P. 357–371.
 5. *Дмитриев О.Н.* Наброски о летних театрах Серебряного века // *Русская развлекательная культура Серебряного века. 1908–1918.* М.: НИУ ВШЭ, 2017. С. 426–454.
 6. *Достоевский Ф.М.* Г-н –бов и вопрос об искусстве // *Ф.М. Достоевский.* Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1993. Т. 11. С. 47–87.
 7. *Зоркая Н.М.* На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов. М.: Наука, 1976. 303 с.
 8. *Ковалова А.О., Цивьян Ю.Г.* Кинематограф в Петербурге 1896–1917. Кинотеатры и зрители. СПб: Мастерская СЕАНС: Скрипториум, 2011. 240 с.
 9. *Конечный А.М.* Петербургские дачи // *Антропологический форум.* 2005. № 3. С. 444–474.
 10. *Конечный А.М.* Петербургские общедоступные увеселительные сады в XIX веке // *Europa Orientalis*. 1996 (XV). No. 1. P. 37–50.
 11. *Лебедева В.Г.* Судьбы массовой культуры России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб.: СПбГУ, 2007. 356 с.
 12. *Лихачев Д.С.* Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. 605 с.
 13. *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Семиотика города и городской культуры: Петербург. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1984. Вып. 664. С. 30–45.*
 14. *Лурье М.Л.* Городская песня в деревне (из старой дискуссии о новых песнях) // *Вестник РГГУ.* 2011b. № 9 (71). С. 124–141. (Серия «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика»).
 15. *Львов И.Я.* Новое время — новые песни: о повороте в народной поэзии. Устюг: Тип.-скоропечатня П.Н. Лагирева, 1891. 39 с.
 16. *Малинова-Тзиафета О.Ю.* Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 336 с.
 17. *Михневич В.О.* Дачные пейзажи // *Петербургское лето.* СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1887. С. 33–51.
 18. *Михневич В.О.* Извращение народного песнетворчества // *Исторический вестник.* 1880. Т. 3. № 12. С. 749–779.
 19. *Поздняков Н.К.* К вопросу об упадке народного творчества // *Вестник воспитания.* 1897. № 1. С. 150–162.
 20. *Соболев П.М.* Мещанский фольклор // *Наступление (Смоленск).* 1932. № 8. С. 49–64.
 21. *Станиславский К.С.* Моя жизнь в искусстве. М.: Вагриус, 2007. 448 с.

22. *Стеклова И.А.* Феномен увеселительных садов в формировании культурной среды Петербурга-Петрограда: Дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1991. 260 с.
23. Труды девятого Археологического съезда в Вильне, 1893. В 2 т. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1897. Т. 2. 126 с.
24. *Уварова Е.Д.* Как развлекались в российских столицах. СПб.: Алетейя, 2004. 280 с.
25. *Цивьян Ю.Г.* Историческая рецепция кино: кинематограф в России, 1896–1930. Рига: Зинатне, 1991. 492 с.
26. *Юнисов М.В.* «Лишний театр»: о любителях и их «губителях» // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 372–393.
27. *Якунцева Т.Н.* Спор о «старой» и «новой» песне (из истории фольклористики конца XIX века) // Фольклор Урала. Вып. 5. Свердловск, 1980. С. 122–129.
28. *Cirese A.M.* Il volgo protagonista // Cultura popolare e marxismo. Roma, 1976. P. 96–100.
29. *Engelstein L.* The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca, 1992. 461 p.
30. *Frank S.P.* ‘Simple Folk, Savage Customs?’ Youth, Sociability, and the Dynamics of Culture in Rural Russia, 1856–1914 // Journal of Social History. 1992 (XXV). No. 4. P. 711–736.
31. *Ginzburg C.* Introduzione // *Burke P.* Cultura popolare nell’Europa moderna. Milano, 1980. P. I–XV.
32. *Hall S.* Notes on Deconstructing the «Popular» // People’s History and Socialist Theory / R. Samuel, eds. London, 1981. P. 227–239.
33. *Hoggart R.* The Uses of Literacy: Aspects of Working Class Life. London, 1957. 319 p.
34. *Lovell S.* In and Out of Petersburg and Moscow. Towards a History of Exurban Russia // The Dacha Kingdom. Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area / N. Baschmakoff, Mari Ristolainen, eds. Helsinki, 2009. P. 27–40.
35. *Lovell S.* Summerfolk. A History of the Dacha, 1710–2000. New York, 2003. 260 p.
36. *Mari E.* Fra il rurale e l’urbano. Paesaggio e cultura popolare a Pietroburgo, 1830–1917. Roma, 2018. 218 p.
37. *McReynolds L.* Russia at Play. Leisure Activities at the End of the Tsarist Era. Ithaca, London, 2003. 309 p.
38. *Rothstein R.A.* Death of the Folk Song? // Cultures in Flux. Lower-Class Values, Practices and Resistance in Late-Imperial Russia / S.P. Frank, M.D. Steinberg, eds. Princeton, 1994. P. 108–120.

39. *Santoli V.* Tre osservazioni su Gramsci e il folclore // *Cultura popolare e marxismo*. Roma, 1976. P. 104–112.
40. *Smith S., Kelly C.* *Commercial Culture and Consumerism // Constructing Russian Culture in the Age of Revolution: 1881–1940* / C. Kelly, D. Shepherd, eds. Oxford, 1998. P. 106–164.
41. *Stites R.* *Russian Popular Culture: Entertainment and Society since 1900*. New York, 1992. 269 p.
42. *Stites R.* *Summertime: Petersburg Suburban Entertainment in the Era of Serfdom // The Dacha Kingdom. Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area* / N. Baschmakoff, Mari Ristolainen, eds. Helsinki, 2009. P. 49–61.

© 2021, Э. Мари

- Илл. 1.** Серебряков А.Б. Вид усадьбы Нескучное
(по документам последней четверти XIX – начала XX в.). 1978.
Бумага, акварель, гуашь. 62 x 70. Fondation Sérébriakoff, Paris 77
- Илл. 2.** Серебрякова З.Е. Портрет писателя Г.И. Чулкова. 1910.
Бумага, темпера (гуашь, белила). 61, 5 x 47.
Таганрогский художественный музей 78
- Илл. 3.** Серебрякова З.Е. На лугу. Нескучное. 1910-е гг.
Холст, масло. 62, 8 x 84, 3.
Нижегородский государственный художественный музей 82
- Илл. 4.** Серебряков А.Б. Поместье Нескучное Белгородского уезда
Курской губернии (по фотографии последней четверти XIX –
начала XX в.). 1945.
Бумага, акварель, гуашь. 37 x 51. Частное собрание, Париж 86
- Илл. 5.** Липовая аллея в с-це Малинники.
Рисунок С.Л. Бычинского.
Бумага, карандаш. 1936. Тверской государственный
объединенный музей 154
- Илл. 6.** Дом Вельяшевых в с-це Марицыно (Мариничи).
Рисунок С.Л. Бычинского. Бумага, карандаш. 1936.
Тверской государственный объединенный музей 156
- Илл. 7.** Алексей Николаевич Вульф. Художник А.А. Багаев.
Картон, масло. 1841. Государственный мемориальный
историко-литературный и природно-ландшафтный
музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» 157
- Илл. 8.** Анна Петровна Керн (урожд. Полторацкая).
Художник А.А. Багаев. Картон, масло. 1841.
Государственный Русский музей 158
- Илл. 9.** Дом Ртищевых в с-це Старое Глинкино (Богатково).
Рисунок С.Л. Бычинского. Бумага, карандаш. 1936.
Тверской государственный объединенный музей 159

- Илл. 10.** Дом Миллеров (Вельяшевых) в Васильках.
Рисунок С.Л. Бычинского. Бумага, карандаш. 1936.
Тверской государственный объединенный музей 166
- Илл. 11.** Дом Вельяшевых в с-це Марицыно (Мариничи).
Вид с реки Тьмы. Рисунок С.Л. Бычинского.
Бумага, карандаш. 1936.
Тверской государственный объединенный музей 169
- Илл. 12.** Дом управляющего. Музей «Дом Пастернака».
Фотография из архива музея 177
- Илл. 13.** Арт-объект в парке усадьбы. Детство. Качель-Пиано.
Фотография из архива музея «Дом Пастернака». 182
- Илл. 14.** Арт-объект в парке усадьбы. Разлука. Дверь с секретом.
Фотография из архива музея «Дом Пастернака». 187
- Илл. 15.** Арт-объект в парке усадьбы. Творчество.
Неуравновешенный конь. Фотография из архива
музея «Дом Пастернака» 189
- Илл. 16.** Мартиг. План работы Р. Жозефа
(R. Joseph. À travers Martigues aux trente beautés.
Guide. <Roanne>, 1958).
Собрание В.Э. Молодякова (Токио, Япония) 307
- Илл. 17.** Шарль Моррас на фоне своего дома
в усадьбе *Chemin de Paradis*.
Портрет работы Ж. Гора. 1929 (Ch. Maurras.
Le bibliophile Bartou. Paris, 1929).
Собрание В.Э. Молодякова (Токио, Япония) 310
- Илл. 18.** Усадьба *Chemin de Paradis*. План работы Р. Жозефа. 1956
(R. Joseph. Martigues et le Chemin de Paradis. <Roanne>, 1957).
Собрание В.Э. Молодякова (Токио, Япония) 313
- Илл. 19.** Усадьба *Chemin de Paradis*. Вид с птичьего полета.
Рисунок Р. Жозефа (R. Joseph. Au pays de Charles Maurras.
Itinéraires. Orléans, 1971).
Собрание В.Э. Молодякова (Токио, Япония) 314
- Илл. 20.** Усадьба *Chemin de Paradis*.
Почтовая открытка. 1920-е гг.
Собрание В.Э. Молодякова (Токио, Япония) 316

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

*Усадьба реальная — усадьба литературная:
векторы творческого преобразования*

СЕРИЯ
«РУССКАЯ УСАДЬБА В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ»
Вып. 6

Редактор
М.В. Нефёдова

Корректор
М.В. Нефёдова

Компьютерная верстка
А.З. Бернштейн

В оформлении обложки
использована линогравюра С.М. Чехова «Цветет вишневый сад» (1961).
ГЛММЗ А.П. Чехова «Мелихово»

Подписано в печать 29.11.2021
Формат 60×90^{1/16}. Усл.-печ. л. 24,0. Тираж 800 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

ISBN 978-5-9208-0676-5

9 785920 806765 >